

ДИАЛЕКТИКА ДОЛГА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Стожко Д.К.

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Россия, e-mail: kostskp@mail.ru

Статья посвящена определению сущности, содержания и роли феномена долга с позиций социально-философского анализа, как определенного социального отношения в контексте развития систем социального взаимодействия и необходимости формирования гражданского общества и социального государства.

Выделены три фазы духовной социализации личности, в процессе которой формируется и развивается феномен долга, представляющий собой определенное духовное образование (совокупность высших ценностей, образов и идеалов человеческого бытия), обращенное в сферу социальных отношений и регулирующее социальную практику людей.

Ключевые слова: долг, право, социальная обязанность, социальная ответственность, социальные отношения, социальное взаимодействие, социальное партнерство, социальное творчество, социальное государство.

DIALECTICS OF DEBT IN THE SOCIAL RELATIONS: SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECT

Stozhko D.K.

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, e-mail: kostskp@mail.ru

Article is devoted to defining the essence, content and role of the phenomenon of debt in terms of social-philosophical analysis of how certain social relations in the context of the development of social interaction and the need to develop civil society and social state.

The three phases of spiritual socialization, during which formed and developed the phenomenon of debt, which is a certain spiritual education (a set of higher values, images and ideals of human existence), treatment in social relations and social practices governing the people, are selected.

Keywords: debt, law, social responsibility, social responsibility, social relations, social interaction, social partnership, social work, social state.

Целью данной статьи является раскрытие сущности феномена долга и его роли в развитии системы социальных отношений.

В условиях глубоких изменений всей системы социальных отношений в современном российском обществе наблюдается явная девальвация социальных обязанностей и гражданского долга. Значительный дисбаланс между долгом и правом в пользу прав личности привел в общественном сознании к возникновению массового эгоцентризма и к распространению психологии потребительства, при которых часто игнорируется диалектическая взаимосвязь и обусловленность между соблюдением гражданских прав и свобод, с одной стороны, и гражданским долгом и социальными обязанностями граждан – с другой. Социальные обязанности и социальная ответственность представляют собой как раз социально оформленную и исторически определенную форму феномена долга.

Феномен долга как социально-культурного явления до сих пор остается слабо исследованным в системе гуманитарных наук. Сама сущность долга как социально-

философской категории предполагает его интерпретацию в качестве определенного социального отношения, в котором присутствуют: 1) субъект, 2) объект и 3) связь. В качестве субъекта долга выступают (и должны выступать) личность, общество и государство. В качестве объекта долга выступают те духовные ценности, которые определяют его содержание, конкретно-историческую предметность и определенность. Наконец, в качестве связи между объектом и субъектом отношения долга выступает социальная ответственность, которая представляет собой внутреннюю и принятую на себя личностью добровольную обязанность руководствоваться в своей социальной практике духовными (морально-нравственными) образами, ценностями и идеалами.

Место долга как определенного социального отношения во всей системе социальных отношений общества раскрывается посредством таких понятий, как «духовное производство» (К. Маркс), «духовное делание» (И.А. Ильин), «работа со смыслами» (В.С. Соловьев). Роль феномена долга в общем и целом можно определить как духовную регуляцию социального поведения (деятельности) людей. Наиболее продуктивным теоретико-методологическим основанием для исследования сущности и содержания феномена долга являются, на наш взгляд, идеи русского *идеал-реализма* (С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, П.А. Флоренский и др.). В них наиболее полно раскрыты *абсолютные* ценности человеческого бытия и их влияние на социальное поведение личности. Именно эти ценности, а не ценности конъюнктурного порядка (выгода, полезность, эргономичность и т.д.), определяют сущность феномена долга как *высшего* императива человеческой деятельности.

К сожалению, такие модальности долга, как родительский, гражданский, воинский, служебный и т.д., все в большей степени утрачивают статус и ранг императива, поскольку их основанием служат часто не абсолютные ценности, а как раз конъюнктурные ценностные ориентации, наиболее усиливающиеся в контексте рыночной экономики и современной экономической политики государства. Результатом этого становится рост масштабов социальных отклонений, различного рода социальных и духовных оппозиций, нарастание негативных процессов в современном обществе (алкоголизм, наркотизация, проституция, преступность и т.д.).

Формирование и развитие феномена долга неразрывно связано с процессом социализации личности и развитием разных систем социального взаимодействия. В первую очередь, речь должна идти о *духовной социализации* личности. В ее структуре обнаруживаются три фазы: а) *апперцепции* (первичное знакомство индивида с информацией об окружающем его внешнем мире); б) *интериоризации* (включение получаемых знаний и представлений во внутренний мир человека, их превращение в убеждения и мотивацию

поведения); *в) социального творчества* (превращение личности из объекта манипуляций в субъект креативного праксиса).

Состояние современной конкуренции как наиболее типичной формы социального взаимодействия в условиях рыночного хозяйства свидетельствует об ее имманентности лишь первой фазе духовной социализации личности – фазе ее первичного и достаточно примитивного отражения объективных законов развития общества. Сведение этих законов к сугубо экономической мотивации или же их отрицание как раз и приводят к замещению *фундаментальных* ценностей человеческого бытия, выражающихся в общих законах социального развития, *функциональными* ценностями сугубо рабочего порядка, выражающимися в специфических, частных тенденциях, свойственных конкретным сферам человеческой жизнедеятельности. Налицо элементарный редукционизм, сведение общего – к частному, высшего – к низшему, смысла жизни – к размерам доходов и уровню потребления и т.д.

Генезис феномена долга наиболее продуктивно может осуществляться только в условиях основанного на высших абсолютных ценностях человеческого бытия социального самоуправления, но никак не в условиях тоталитарного общества и манипулирования сознанием. В связи с этим развитие и укрепление долга предполагает укрепление воли и совести в самом человеке. Совесть мы рассматриваем как способность человека соотносить свои действия и поступки с высшими ценностями бытия. Воля представляет собой способность индивида неукоснительно соблюдать требования этих высших ценностей – норм и идеалов, осознанно следовать им в своей социальной практике.

В отличие от А.Шопенгауэра, по существу сводившего феномен долга к феномену воли и рассматривавшего его отвлеченно, как «вещь в себе» [5], И.А. Ильин справедливо трактовал феномен долга еще и в контексте совестливого акта. Смысл такого акта он видел в стремлении человека к совершенству, в наполнении человеческой души высшими духовными смыслами, образами и идеалами [1]. Именно такое духовно детерминированное (а отнюдь не всякое) социальное самоуправление (в терминологии русских философов «духовное самостояние», «самодержавие духа») позволяет личности в полной мере осуществить свою духовную и социальную *а) самоидентификацию, б) самоуправление и в) самореализацию*. Эти три этапа становления целостной личности в общем и целом соответствуют основным фазам генезиса феномена долга. При осуществлении этих этапов формируется система социальных отношений, обладающая высокой степенью социальной эффективности и обеспечивающая конструктивное социальное партнерство. Поэтому именно система социального партнерства соответствует второй фазе процесса духовной

социализации личности – фазе *интериоризации*, формирования убеждений, являющихся исходным основанием феномена долга.

Необходимо отметить, что социальное партнерство представляет собой исторически преходящую и паллиативную форму системы социального взаимодействия, отражающую переходное состояние конкретного общества. Современное российское общество все еще находится в переходном состоянии от прежнего социально-политического и социально-экономического состояния к некоему новому. Можно как угодно определять прошлое (административная система, тоталитарное общество и т.д.) и будущее (постиндустриальное общество, технотронное общество и т.д.) состояния, но сам процесс перехода требует некоего компромисса между различными социальными организмами и, соответственно, координации, согласования порой принципиально различных интересов. Но мало освоить и усвоить объективную реальность, рефлексировать ее посредством сознания и духа. Необходимо еще сформировать свой внутренний мир, способный к креативному социальному творчеству. Усовершенствование отнюдь не тождественно инновации, последняя может стать и шагом назад с точки зрения качества и эффективности. Поэтому фаза креативного фазиса в структуре духовной социализации предполагает солидарность и кооперацию, а не конкуренцию или временное и сугубо механическое партнерство. Солидарность и кооперация основываются на единстве духовных ценностей, разделяемых участниками социальной системы. И только на этой почве из *правового* государства формируется *социальное* государство.

«Социальное государство – это система учреждений, деятельность которых направлена на представительство и защиту интересов тех, кто не способен самостоятельно обеспечить свое существование, а также на создание каждому гражданину достойных условий существования, равных возможностей для самореализации, благоприятной среды обитания, отношение к человеку, его личности, как высшей ценности. Социальное государство принимает на себя ответственность за социальный мир в обществе» [3]. Поэтому сочетание «властной вертикали» и институтов гражданского общества при их ярко выраженной социальной ориентации является весьма перспективным [3]. Такое сочетание, как минимум, предполагает наличие общественного самоуправления как основы формирования эффективных институтов гражданского общества. Но здесь имеются разные трактовки такого альянса. Некоторые исследователи полагают, что такое сочетание не должно исходить из принципа «обязательности государственной помощи населению [2]. Но тогда идея «общественного договора» (Ж.Ж. Руссо), регулирующая весь комплекс взаимодействия государства и общества, подвергается в современных условиях определенной коррозии. Государство в той мере является субъектом отношений долга, в какой оно хочет, чтобы

народ выполнял свои обязанности перед ним. Аристотелевский принцип эквивалентного обмена результатами деятельности не подлежит ревизии, если мы действительно хотим повысить эффективность социального партнерства и обеспечить социальный мир.

Однако если само государство считает возможным для себя только устанавливать «правила игры», но не соблюдать их, такая позиция очевидным образом нивелирует идею общественного договора. А за такой нивелировкой следует и нивелирование идеи оптимального контракта (С. Соссье), разрушение всей системы социального взаимодействия (социальное партнерство, социальное сотрудничество, социальная ответственность и т.д.).

Современные призывы развивать *институты* гражданского общества также нуждаются в коррекции. Ведь можно создать столько таких институтов, что мало не покажется. «Сложилось мнение, будто каждой проблеме соответствует компетентная *инстанция*, и тому, кто нуждается в помощи, надо только эту службу найти. В этом-то и кроется опасность – ведь не с каждой бедой управишься с помощью организации» [2]. Такой организационный фетишизм не раз имел место в нашем прошлом. Вряд ли сегодня уместно повторять прежние ошибки.

Без активного социального самоуправления взаимоотношения между государством и населением вполне могут оказаться подобными отношениям между заключенными и тюремщиками, модель которых когда-то нарисовал М. Фуко. Вряд ли такой образ может привлечь адекватных и вменяемых людей. Поэтому нет (и не может быть) альтернативы формированию *социального* государства, в котором властная вертикаль функционирует в органичном синтезе со столь же властной горизонталью (институтами гражданского общества). *Правовое* государство, как известно, еще не гарантирует социального мира по той простой причине, что в рамках общественного выбора право и закон определяются на *первой* фазе системы социального партнерства и к тому же весьма узким кругом «экспертов», «специалистов», «чиновников» и т.д. При двухфазовой модели современного социального партнерства нашим гражданам как статистам предлагается лишь соблюдать уже определенные сверху «правила игры», которые актуализируются на второй фазе процесса общественного партнерства. Но такое «партнерство» все равно что «сухая влага»: не то прилагательное не к тому существительному.

Теория «правового государства» с социально-философской точки зрения представляется недостаточной для эффективного социального взаимодействия. Необходима глубокая социально-философская разработка проблематики феномена долга, на основе которой можно вести речь о дальнейшем совершенствовании системы социального взаимодействия в современном обществе и построения социального государства.

В современной литературе различают три модели социального государства: 1) либеральную, 2) корпоративную и 3) солидарно-общественную [4]. Только последняя основывается на солидарности, на духовном единении социума-этноса. А потому только последняя модель обусловлена высшим уровнем развития феномена долга и его исполнения как ценностной, духовно-нравственной максимы. Именно такая модель может рассматриваться в качестве наиболее эффективной для развития и совершенствования всей системы социальных отношений в нашем обществе.

Список литературы

1. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М. : Эксмо-Пресс, 1998. – С. 172–185.
2. Луман Н. Формирование помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. – 2000. – № 1–2. – С. 16–28.
3. Рогачев С.В. Социальное государство как институт публичной сферы // Социальная сфера: публичные и частные начала : материалы симпозиума. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 66–67.
4. Шабуров А.С., Хрущева М.И. [и др.]. Социальное государство: проблемы формирования и функционирования. – Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2011. – С. 26.
5. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – Минск : Харвест, 2011. – С. 200.

Рецензенты:

Ветошкин А.П., д.филос.н., профессор кафедры общей и экономической истории, ФГОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург.

Целищев Н.Н., д.филос.н., профессор, директор Межвузовского центра гуманитарного и социально-экономического образования при Уральском государственном университете им. А.М. Горького, г. Екатеринбург.

Работа получена 24.10.2011